
А.М. Сунгурский
ПОЛНЫЙ ЗАЛ

А.М. Сунгурский
Полный зал

https://litres.ru/74836032
SelfPub; 2026

Аннотация

Кириллу платят за то, чтобы он поужинал в пермском ресторане как завсегдатай. Приглашённые покупатели должны поверить, что здесь каждый вечер полный зал. После ужина Кирилл застаёт обоих у служебной двери. Они получают гонорар у той же женщины, которая наняла его.

На следующий день Кирилл узнаёт, что его сестра Надежда уже внесла деньги за право выбрать кухню и открыть своё дело. Ей говорили, что у проекта есть инвестор. Чтобы выяснить, для кого на самом деле устроили ужин, брату и сестре предстоит выслушать людей, которым показали разные части одного вечера. Кириллу придётся начать с собственной роли.

Содержание

Глава 1. Постоянный столик 4
Глава 2. Упаковка для ножей 15
Глава 3. Два слоя 24
Глава 4. Отдельная порция 34
Глава 5. Место у стойки 42
Глава 6. Пока тарелки горячие 51
Глава 7. Ключ от коридора 60
Конец ознакомительного фрагмента. 65

А.М. Сунгурский
Полный зал

Глава 1. Постоянный столик

Кириллу досталось место под вешалкой. Когда в зал входил человек в длинном пальто, Кирилл мог первым узнать, что происходит на улице. Вначале с рукавов капало. Через полчаса с них посыпалась мелкая мокрая крупа.

— Пересядете? — спросил официант.

— Нет, я здесь всегда сижу.

Получилось легко. Официант уже сложил на локте две куртки и ответил, что тогда попросит гардеробщицу перевешивать длинное ближе к стене. Кирилл ожидал, что тот улыбнётся. Парню было некогда: из кухни вынесли три белые тарелки, а он ещё не освободил путь между столиками. Кирилл подобрал ноги. Подошвы у него не высохли с утра.

Рената заказала ему рыбу, десерт и кофе. За кофе следовало заплатить отдельно и оставить чаевые, за всё остальное платили заранее, поэтому на столе лежал картонный прямоугольник с нарисованной вилкой. «Спрячешь, когда подадут горячее», — написала Рената. Куда спрятать, она не уточнила. Кирилл подложил его под правый край тарелки, пустой стороной к залу. В его возрасте стоило уметь справляться со

своей вилкой без режиссёра.

Рената сказала, что приедут двое смотреть «Четыре окна» и ещё одну кухню для будущей сети. В рассадке было восемнадцать мест. Кирилл знал двух гостей: супружескую пару, которая снималась с ним в рекламе матрасов и за общей работой успела развестись. Сейчас они спорили насчёт рыбы с такой поглощённостью, что Кириллу захотелось всё-таки послушать. Потом женщина переставила бывшему мужу стакан правее, к здоровой руке, и Кирилл отвернулся. Если Ренате нужны были постоянные посетители, она подбирала людей, которые знали привычки друг друга.

В окнах отражались лампы над столами. С улицы проезжал свет, коротко освещал тротуар и исчезал. Две недели подряд у Кирилла была только озвучка роликов про мойку высокого давления. Сегодня он получит восемь тысяч за вечер и поест. Рыба ему вроде бы полагалась с тёплой капустой. При заказе он уточнил про капусту, чем заслужил длинное Ренатино молчание в трубке.

— Похоже на свидание, — сказала она тогда. — Попроси ещё плед у девушки.

Сейчас она стояла у стойки, разговаривала с седым человеком в жилете. Тот, кажется, и был Виктором Паньшиным, хозяином «Четырёх окон». Кирилл видел его один раз при входе. Паньшин оглядел халат гардеробщицы, помог ей подтянуть створку и сам подал Кириллу номерок. Пообещал, что к концу вечера одежда просохнет. Каждому входящему

от него доставалась какая-нибудь хозяйская мелочь. Седые волосы шли ему. Он был из тех людей, на которых в случайной фотографии задерживаешь взгляд и думаешь, что знаешь, как они пьют чай.

Рената показала Кириллу на телефоне время. Он кивнул и допил воду. От него ждали одной реплики, когда хозяин подойдёт с гостями: «Вы завтра снова до девяти? А то я после работы». Остальное, как обычно, он должен был сыграть за неё. Положить телефон экраном вниз. Не следить за часами. Здороваться с официантом, как с человеком, чью мать тоже знаешь. Спросить, за каким столом гость сидел раньше, только если гость сам полезет знакомиться.

Качающаяся дверь у кухни подалась, и в проёме показалась невысокая женщина в фартуке. Ладонью придерживала дверь, локтем прижимала к себе второй фартук. За ней кто-то торопливо говорил, что двух порций не хватает. Женщина качнула головой в сторону длинного стола у окна, там стояли две накрытые тарелки, и голос ушёл вглубь кухни. Она вошла в зал и передала свёрнутый фартук официанту.

— Лиля, — окликнули её от стены. — К восьми утра кого бы ты себе поставила?

Спрашивала женщина в обыкновенном сером жакете. Она сидела у кухонной двери на низком диване и держала чашку обеими руками. Кирилл сперва принял её за родственницу Паньшина: тот перед ней переставлял стул и разговаривал вполголоса.

— Куда поставила? — спросила Лиля.

— На кухню. Если дать тебе дверь и ключ. Кого позовёшь ещё?

— Смотря где дверь. На автобусе в четыре вставать я никого не позову.

— В городе. С утра три блюда. Ты бы у кого спросила?

Лиля назвала имя. В этот момент официант поставил на стол Кириллу рыбу, и фарфор звякнул о край бокала. Женщина с чашкой откинулась на спинку дивана, будто уже получила нужный ответ.

— Белый соус сбоку, — сказал официант. — Капуста тёплая. Только горячую тарелку ближе к себе не тащите.

— Как вчера.

Официант посмотрел на него, подняв брови.

— Я шучу, — сказал Кирилл.

Официант кивнул. Он бы и смеяться начал, если бы ему подали знак, что смех здесь входит в обязанности. Кирилл пожалел, что вообще открыл рот. Осторожно отодвинул бокал. За дверью работали с заказами люди, которым за манеру разговора, вероятно, доплачивать не собирались. Ему заплатят за одну удачную фразу. Надя, если бы он ей это рассказал, спросила бы, можно ли тоже выбирать, какой фразой отработать смену.

Он думал написать ей ещё днём. Снимал с батареи свой единственный приличный пиджак, пока дождь стучал по подоконнику, и думал: «Завтра отвезу тебе ножи». Пакет с

её ножами лежал у него дома, уже заточенный. Она отдала пакет на неделю и два раза предложила встретиться на середине дороги. Он ответил, что довезёт сам. Второе предложение было двенадцать дней назад.

Дверь с улицы распахнулась. Пришли двое, мужчина лет сорока пяти и высокая женщина с короткой стрижкой. Женщина стряхнула крупу с рукавов, оглянулась на партнёра, взяла его длинное пальто и понесла вместе со своим. Мужчина остался стоять у входа в тёмном костюме без галстука. Паньшин первым протянул руку. Прежде чем убрать свою, гость переступил через коврик, как будто хозяин успел его пригласить. Кириллу понравилось это движение. Один шаг вместо приветствия всем разом. Люди вокруг сами предоставили ему столько важности, сколько требовалось.

Женщина вернулась, взяла с края стойки меню и быстро пролистала. Паньшин подвёл обоих к длинному столу. Официант переставил к ним две тарелки. Кирилл собрался опустить взгляд и тут услышал, как человек в костюме спросил:

— А со скольких завтра открываетесь?

У них с Кириллом получалась одна тема на двоих. Рената никаких его вопросов не обещала. Мужчина ещё не успел сесть и уже хотел знать часы. Паньшин объяснил, что через неделю всё пойдёт своим порядком, а пока по вечерам бывают закрытые ужины. Потом чуть приотступил и взглянул на Кирилла.

Пришло время.

— Вы завтра снова до девяти? — спросил Кирилл. — А то я после работы.

Женщина положила меню. Её спутник посмотрел на Кирилла и терпеливо подождал, пока тот закончит, хотя слова «после работы» мог уже знать с первого звука. Паньшин повернулся к гостям.

— К девяти людей развозим. А вы попробуйте рыбу.

Кирилл отрезал ещё кусок, чтобы не глядеть, кто куда смотрит. Ни завершающей улыбки, ни кивка от Ренаты. Так было лучше. Но у мужчины за длинным столом возникло маленькое, какое-то уж очень своевременное удовлетворение: как у партнёра, с которым наконец проговорили трудное место. Кирилл усмехнулся и взял капусту. Закрытый вечер, отдельные гости, один на всех предмет разговора. Сам бы он, придя выбирать помещение под ресторан, тоже сперва спросил часы.

Салат принесли чуть позже, и женщина с короткими волосами похвалила Лилю по имени. Лиля поправила на плече ткань фартука. Паньшин говорил, что и поставщики будут общие, и на подхвате не оставят одного человека, тем более в выходные. Когда он поднял бокал, ползала повернулось к нему. Кто-то из знакомых Кириллу бывших супругов даже привстал. Мужчина из-за длинного стола тоже встал и поблагодарил за вечер, за возможность увидеть работу, за серьёзное отношение. На слове «работа» женщина с чашкой повернула голову к кухне. Лиля неподвижно стояла у двери.

Из-под манжеты у неё выглядывала узкая полоска кожи, покрасневшей от воды. Официант шагнул вбок, чтобы не заслонять её от длинного стола.

Паньшин выпил, поставил бокал и попросил всех вернуться к ужину. Похлопали мало. Хорошая работа Ренаты: она велела собраться людям, которые приходят поесть, и они не стали аплодировать каждому хозяину, открывшему рот.

Кирилл впервые за вечер прочёл название ресторана на салфетке. «Четыре окна». Насчитал всего три, потом за гардеробом разглядел четвёртое. К нему спинкой стояло тяжёлое кресло, на котором гардеробщица оставила рукавицы. На спинке стула у длинного стола висело пальто человека, которому предназначалась презентация. Его спутница забрала оба пальто из гардероба ещё до десерта. Своё она положила на соседний стул.

Кирилл дал себе десять минут. Выпил кофе, под блюдце положил триста рублей. Когда официант вернулся, спросил, кому оставить картонку с вилкой.

— Мне можно. Только я деньги уже получил, — ответил официант.

— Это за кофе.

Парень смерил его взглядом.

— Тогда уберите сотню. Кофе двести.

— Остальное ваше.

Он ждал, что парень привычно поблагодарит. Тот аккуратно вынул из-под блюдца две бумажки, а третью положил

на стол рядом с телефоном Кирилла.

— Я сегодня и так в расчёте. Спасибо.

Кирилл забрал сотню. Официант говорил вполне любезно, а всё равно хотелось спросить, чем он его обидел. В другой раз он спросил бы. Сегодня требовалось ещё дождаться Ренату, у которой на служебном выходе лежала вторая половина его денег.

***

Дверь в кухню сам он не толкал. Зашёл со двора, как написала Рената, стряхнув с подошв соль на нижней ступеньке. Пальто через локоть пришлось переложить, чтобы открыть железную дверь. В коридоре пахло тёплой пылью от сушившихся ковриков и рыбой. За стеной тасовали посуду. Изнутри на железной двери шов обвели жёлтой краской, чтобы её острый край был виден при слабом свете.

У столика сидела Рената. Кроме стола и табурета в узкой нише держали мерный кувшин с отломанной ручкой, упаковку салфеток и бутылку воды для смены. Поверх картонной коробки Рената сложила несколько длинных конвертов. Когда Кирилл вошёл, за столиком уже стояли мужчина в тёмном костюме и его коротко стриженная спутница. На ней уже был короткий плащ. На сгибе руки лежало длинное пальто, которое она принесла ему к десерту.

— Мы ещё полчаса сидели, — говорил человек в костюме.

Голос теперь звучал ниже, чем у окна. — Ты сказала, поели и свободны.

— Сева, я тебе добавила. Возьми твоё, Вике я сейчас найду.

Она отсчитала слева два конверта, отдала верхний. Человек в костюме отогнул клапан, пересчитал купюры на краю стола и убрал деньги во внутренний карман. Спутница протянула ему пальто. Он взял, не оборачиваясь.

— С рыбой удачно было, — сказала Рената Кириллу. — Контакт попал ровно куда надо. Ты следующий.

Человек в костюме развернулся. Усмехнулся знакомо, как после реплики про девять часов.

— Нормально отыграли, — сказал он Кириллу.

Рената нашла второй конверт, прочла имя с обратной стороны и отдала женщине. Деньги та не проверяла. Она взвесила конверт на ладони, словно помнила, сколько должен весить, потом убрала в карман брюк.

Если это был возврат за такси, Кирилл готов был съесть картонную вилку. Он видел, как Рената расплачивалась за вечер. Наёмный артист первым делом проверяет, не изменилось ли количество купюр между заказом и выходом. Человек, которого ждут смотреть вторую кухню для своей сети, вряд ли станет держать чужую пятитысячную над лампой.

— А хозяин здесь кто? — спросил Кирилл.

Рената подняла на него глаза.

— Какой хозяин?

— Которому я сегодня нужен был.

Она пододвинула ему третий конверт и придержала указательным пальцем, пока он не положил ладонь на другой край.

— Тот, кто оплатил наряд. Хочешь номер, чтобы поблагодарить?

Из кухни кто-то дважды толкнул дверь плечом. Скрипнула пружина, в коридор вышла Лиля с белым контейнером в руках. Она посторонилась перед Севой, проскользнула мимо с таким точным расчётом, что тому даже не пришлось убрать локоть. У наружной двери задержалась.

— Рената, а он завтра со скольких?

— Виктор? Подожди, спросим.

— Не Виктор. Тот, что с женщиной приезжал.

Сева уже надел пальто. Он услышал, посмотрел через плечо на Лилю и шагнул на улицу. Лиля поставила контейнер на крышку кувшина и поправила крышку. Оттуда просачивался пар.

— Унеси, — сказала Рената, кивнув Кириллу на конверт. — Сейчас задубеем.

Он взял деньги. Лиля смотрела на дверь, через которую ушли двое. Кирилл подумал, что поговорит с Ренатой завтра, когда у неё не будет на столе этих конвертов и она не сможет сунуть ему ещё один вместо ответа. А Лиля сняла с кувшина свой контейнер и открыла створку локтем. Под лампой у выхода Кирилл заметил, что крышка у неё треснула. Женщина

держала коробку двумя ладонями, чтобы не потерять то, что ей положили на дорогу.

Глава 2. Упаковка для ножей

Надя отмыла подоконник и переставила письменный стол на кухню. За ним прежде делал уроки её сын, а теперь на нём лежало всё, из чего она должна была до вечера придумать три блюда. Бумажный пакет с картошкой загораживал розетку. Антон Сергеевич, электрик из соседней квартиры, сказал, что её всё равно пора менять. Если заправить шнур за ножку стола, можно пока пользоваться другой.

Сын ушёл к отцу с утра и обещал вернуться за учебником к шести. Пятнадцатилетнему Яше предстояло прожить два дня без уроков и всё же таскать в рюкзаке учебник, который он открыл в последний раз на первой странице. Надя взяла книгу с полки и положила у двери. Там же стоял свёрток для брата. Она увидела вчера в магазине варежки, точь-в-точь как те, которые он потерял в феврале, и купила. Собиралась вернуть, если снова придётся пересекаться у остановки на бегу. Кирилл приехал в половине одиннадцатого без звонка.

— Протри сначала, — сказала Надя, когда он потянулся поставить пакет на стол. — Стоял где?

— В машине, у ног.

Он придержал край пакета, она указала на тумбу. Кирилл перевесил через неё зимнюю куртку, проскользнул мимо Нади на кухню и принёс ножи в их старой обёртке, с новым синим шнурком. Положил на подставку для горячего. Надя

развязала.

Ножи были сухие, каждый завёрнут в свою бумагу. Она выложила большой на ладонь, посмотрела на лезвие против света, затем вытянула из пакета морковь. Разрезала вдоль. На стол ложились ровные полоски, запястье ни разу не повернулось вместе с ножом.

— Хорошо ходит, — сказала она.

— Моё дело малое. Принял, сдал.

Она хотела спросить, почему тогда между этими двумя вещами прошло три недели, но Кирилл сложил обёртку в пустой пакет, завязал его и сам нашёл ящик, куда убрать. В ванной долго мыл руки. Сначала пустил холодную, потом горячую воду. У него всё время были холодные пальцы. Надя сходила за варежками и положила сверху на зимнюю куртку.

Когда он вернулся, она уже разбирала сушёную фасоль по мискам. Кирилл посмотрел на картошку, на два чугунка, которые она сняла с верхней полки и оставила на плите, на свободный стол.

— Тут можно вдвоём посидеть?

— Можно. Стул подставь. Не забудь, под ним розетка.

— Как у тебя дела с Лилей?

Надя придержала ладонью одну из мисок. Ей казалось, что прошло около месяца с тех пор, как она в последний раз произносила при нём это имя. Тогда уже нельзя было говорить без третьего человека. Кирилл ждал объяснения, Лиля сидела рядом и заполняла бумагу, в которой просила вернуть

ей часть расходов на продукты. Надя положила трубку, когда Лиля расписалась во второй раз, потому что в первый попала в дату. Потом они долго молчали. У младшего повара к тому времени родилась дочь. В понедельник они собирались отдать ему работу на четыре выходных подряд.

— Достала мне смену, — ответила Надя. — А что?

— Я вчера видел её в «Четырёх окнах». Если это та самая Лиля.

— Невысокая. Чёрные волосы, сверху всегда закалывает?

— Она. С белой коробкой пошла домой.

— У отца теперь плохо с зубами. Ему складывает, что можно.

Кирилл сам потянулся к чайнику. Проверил, сколько там воды, встал долить, сел обратно и только тогда ответил, что ресторан нанимал его на вечер. Надя ещё выбирала фасоль и сперва решила, что речь о празднике с хозяином лет пятидесяти. Сбоку от её стола лежал чистый карандаш, она ткнула им в одну из шелушащихся фасолин, потом выбросила её.

— Тебя ведущим позвали?

— Гостем. Надо было сидеть с краю и показать, что там постоянно обедают.

— Ты сам хоть обедал?

— Капусту я бы заказал ещё. Слушай. Людей, которые приезжали посмотреть на ресторан, тоже наняли. Я их видел, когда платили.

Она взяла следующую фасолину. Половина оказалась съе-

дена внутри, одна кожица. Лиля не звонила вчера вечером. В начале девятого Надя написала ей, чтобы та попросила деньгами за продукты сразу, если их успели согласовать; получила большой палец и решила, что всё в порядке.

— У нас там одна встреча на всех или несколько? — спросила она.

Кирилл наливал чай. Надя увидела, что он поставил её чашку перед своим стулом, а себе взял стеклянную, которой пользовался Яша. Спохватился, посмотрел на чашки, менять местами не стал.

— У кого у вас?

Надя отодвинула миску. Хотелось сперва спросить Лилю. В её смене побывал Кирилл, и она ничего не сказала, может быть, потому что не заметила. С кухонной стороны входа в «Четыре окна» утром разбирали товар. Надя один раз привозила туда зелень для общего занятия. Если Лиля увидела его из-за стойки, всё равно не обязана была давать отчёт. Надя вынула телефон, нашла сообщение со знакомой белой заставкой. Повернула к Кириллу.

— Вот сюда я перевела деньги.

Он взял телефон за самый край, не поднимая со стола. Прочёл вслух имя, указанное в переводе:

— «Паньшин Виктор Андреевич». За что?

— Восемь месяцев объяснять, что я умею. Тебе в двух словах?

— Можно в трёх.

— Право выбрать кухню. Поставить туда своих. Работать в своей доле.

Он взялся за телефон увереннее. Надя потянула его к себе. Кирилл отпустил раньше, чем ей пришлось говорить.

— Шестьдесят восемь тысяч, — сказал он. — Остальное потом?

— После того, как место согласуем. Двести пятьдесят за всё вместе. Если после проб мы не договоримся, вернут аванс. Пока помещение не выбрали, оборудование тоже. Лидия обещала письмом.

— Кто такая Лидия?

— Ты у неё два раза ел на занятиях. В первый раз пришёл с Яшей, там ещё хлеб подавали с яблоком.

Кирилл задумался. Надя помнила лучше. Подошёл мужчина с непонятно оформленным блюдом и долго объяснял, зачем оно понадобится в детском меню. Лидия посмотрела сперва на Яшу, спросила, будет ли он есть. Яше тогда было четырнадцать, он сказал «буду», взял ложку, попробовал и доложил, что дальше у него начался Великий пост. Лидия рассмеялась. Мужчине она дала новую ложку и попросила попробовать самому. Очень аккуратно, вслух про блюдо ни одного слова. Через четыре недели тот же человек пришёл с отличными котлетами и вручил первые две Яше.

— Мама у неё ещё сидела сбоку, — сказал Кирилл.

— Мама умерла до этих занятий.

Он досадливо прижал палец к губе. Надя знала, кого он

перепутал: их тётю Свету, которая приходила с улицы и садилась у стены, пока ноги не согреются. Иногда он говорил про умерших так, будто сам забыл, куда их звал. Похоже было на его манеру обещать вернуться и потом задерживаться. Она подвинула чашку. Он сделал глоток.

— Деньги раньше вчерашнего? — спросил он.

— Во вторник. Послезавтра проба. Может быть, на день сдвинется. Лиля сначала звала помочь ей, потом сказала, что позовут ко мне отдельно. Я ещё работаю там, где стояла. В том месте, кстати, завтра опять открываюсь я.

— Можно сходить с тобой. На пробу.

Надя взяла морковь. Нарезала те полоски, которые лежали справа. Первую сделала мелко и только потом подвинула следующую, чтобы резать их примерно пополам.

— Ты что там будешь делать?

— Сидеть, есть. Это у меня в последние дни получается.

— Мне не дают людей в зал. Есть на пробе будут те, с кем предлагают разделить расходы. Я у них должна спросить про вентиляцию, вытяжку и место под холодильник. Попросить нужно, чтобы оставили два утра на чужие обеды. Если будет тесно, уйду. Я умею.

Он поставил чашку. В прежний раз он ровно так же кивнул, когда она выложила список людей, за которыми надо было заехать. Они не собирали денег по двое. У каждого была своя работа; Кирилл должен был привезти две индукционные плиты и оплатить один стол. Светлый стол потом без

толку простоял полдня у прокатчика, а Надя нашла второй в последний час. Заплатить пришлось за оба. С самим Кириллом она тогда почти не ругалась. Он ответил так поздно, что сначала надо было рассказать поварам, с какой стороны корпуса их встретят и как быстро выпустят с продуктами обратно.

— Эти двое точно за роль получили? — спросила она.

— Мужик сказал: «Нормально отыграли». Рената доплатила ему полчаса. Мне тоже она платила.

Надя подровняла кучку моркови ребром ножа. На кухне потрескивал чайник, остывая на подставке. Ей надо было самой спросить у Лилии, с кем та вчера говорила и что ей сказали. У Кирилла спрашивать, кто там обещал деньги, бессмысленно: вчера ему по работе достаточно было узнать, в какое время принести капусту.

— Значит, я узнаю, для чего он отыграл, — сказала она. — Ты можешь у своей Ренаты спросить. От моего имени ничего не говори. Им пока хочу сама задать вопрос.

Кирилл сразу ответил «да». Надя прикоснулась пальцем к режущей кромке ножа сбоку и убрала руку. Даже этого он не сделал по-старому. Не принялся говорить, что можно было бы удобнее.

— Я дойду сейчас до Лили, — сказала она. — Есть время?

— Мне на запись в два. Если назад по дворам, то закину. По дороге можно ещё стол спросить у одного знакомого.

— Мне он куда?

Кирилл посмотрел на стол, который Надя утром вынесла из Яшиной комнаты. Прижал ладонью свободный угол, слегка нажал. Стол качнулся в ту сторону, где под короткую ножку она подложила картонку.

— Розетку я бы починил.

— Я бы тоже. Вот только опять всю кухню двигать неохота.

Он достал из кармана складной метр, положил поверх книги у двери, чтобы забрать по пути. Надя поняла, что сейчас будет новый план и снимать старый стол станет её работой. Отрезала два куска хлеба. Один сунула Кириллу в руку, на тарелку он уже бы не посмотрел.

— Быстро съешь. До Лили я поеду одна.

Кирилл доел стоя, сгибая хлеб пополам каждым укусом. Потом надел куртку, подкинул варежки на ладони. Примерил обе. Надя сказала, где купила, вдруг маловаты. Он вытянул руки перед собой, медленно согнул пальцы.

— Мне в самые большие обычно так, — сказал он. — Эти пойдут.

Складной метр он положил себе в боковой карман. Когда закрыл дверь, Надя обернулась на стол, туда, где после хлеба надо было смахнуть крошки. Сначала написала Лиле. «Видеть тебя могу? Минут на десять. Без кухни тоже можно». Лиля ответила с ходу: «Я у отца. Получится в четыре, прийти могу сама. Есть у тебя нормальный нож?» Надя взглянула на ровные полоски моркови, ещё тёмные от воды.

«Теперь есть», — ответила она.

Глава 3. Два слоя

На записи Кирилл трижды произнёс «мягкой губкой». Его просили представить человека, который купил кофейную машину за ползарплаты и верит, что будет ухаживать за ней каждый день. Он представил женщину, заказавшую такую машину своему бывшему мужу, чтобы дети дома у отца получили хоть одну вещь, о которой стоит рассказать. Получалось заботливо. В наушниках зашуршали листы.

— Можно ещё раз, без иронии? — спросили из аппаратной.

— Можно.

Пока ему объясняли, в каком месте услышали иронию, Кирилл загнул угол страницы. «Повторяйте эту операцию после каждого использования». Вот здесь и услышали. Он не мог представить себе человека, который каждый раз вынимает из машины поддон и моет его. Даже у Нади на кухне грязная сковорода иногда оставалась до утра, если её надо было отмочить. Кирилл прочитал по первому варианту, только убрал паузу перед словом «каждого». В аппаратной согласились наконец двигаться дальше.

После записи он не поехал сразу домой. За студией был ателье рный павильон, зимой там шили чехлы на кресла и сшивали старые рекламные полотна в ширмы. Рената устраивала в нём два выступления, теперь приехала забрать шир-

му под понедельник. Она сама прислала Кириллу адрес: «Если совсем срочно, в районе трёх буду там. Можешь помочь подержать». Кирилл пошёл пешком, благо при нуле в городе можно было дойти по тротуару до самого угла. Снег на тёмной стороне ещё не успел стать водой.

Ренату он нашёл в глубине павильона. Она держала на расстоянии вытянутой руки выдвинутый край ширмы. За второй конец ухватился мужчина в длинных рабочих перчатках. На полу у него лежала ткань, у Ренаты стояла охапка чехлов.

— Вот за эту петлю возьми, — сказала она Кириллу. — Держим на ширине, он увидит.

Кирилл взялся. Мужчина присел на корточки, посмотрел, как провисает край, и объяснил, где летом добавляли клин. Рената попросила убрать клин до завтра. Мужчина перестал смотреть на ткань и посмотрел на неё.

— И ты на приёмку приедешь завтра?

— С шести до семи. Будет так же в два слоя, как тут, без кусочков?

— Если в два слоя, то к понедельнику.

Для Ренаты повисшая ширма была проблемой, которую она решала всем телом, даже когда стояла неподвижно. Она ещё немного потянула ткань на себя, будто из этого движения могло появиться дополнительное время. Потом назвала понедельник и попросила прислать фотографию перед тем, как ставить новые петли. Мужчина тихо сказал: «Хорошо».

Кирилл всё держал, пока Рената не обошла ткань и не сняла его руку с петли.

— Пять минут есть, — сказала она на улице.

— Тот человек вчера был у вас за покупателя.

— Тебе лично представился?

— Ты сказала в начале, что приедут люди с деньгами.

— Сказала, что приедут смотреть люди, у которых есть интерес, покажем работу зала. У нас с тобой было два текста, в голос и в переписке. В каком были обещанные деньги?

— В голос. Точно. Я тогда ещё спросил, будут ли настоящих гостей предупреждать, что половина в зале случайно оказалась очень дружной.

— Они прибыли по приглашению.

Рената смотрела на мокрый капот своей машины. Движением ладони обвела проплешину, откуда днём сполз снег. Если бы спросить, кто заказал уход за машиной, она, вероятно, назвала бы магазин скребков и число, когда пришёл заказ. Кирилл привык брать у неё работу, не споря с тем, на сколько минут его наняли. Для близости, считал он, достаточно помнить, как начинался его первый вечер. Но она, видно, лишнюю близость почувствовала только теперь.

— Сева приехал за деньги, которые ты ему дала. Сейчас я хочу понять: он весь вечер был кем-то другим или он действительно в ресторанах что-то решает?

— Сева около двух лет был управляющим. Он должен был задавать вопросы по залу. Вика тянет деловой разговор, ес-

ли у него заканчивается. Всё, что они делали, было по договорённому тексту. По этому тексту кто мог за деньгами войти и кто мог уйти, я знаю. Хочешь посмотреть приложенный список — тебя из него не вычёркивали.

— Значит, сыграли комиссию?

— Можно так. Хозяин попросил посмотреть, как люди кухни ведут себя под наблюдением. Знаешь пробу во время съёмок, когда человек на главную роль ещё не приехал? Партнёра посадят другого. Потом кадр переснимут. Ты за партнёра переживаешь, или за то, что сегодня с другим сняли?

— Если ему за это не полагается отдать деньги за главную роль, тогда за партнёра.

Рената взглянула на него, и Кирилл пожалел, что сказал про деньги. Он не обещал держать свои выводы в секрете. Но Рената сейчас могла спросить, от кого он услышал про плату за место. Надя ясно попросила не вмешиваться с её именем. Пока она разговаривала бы сама, её брат уже предупредил бы другую сторону, кто собирается нарушать расписание.

— Я пригласила тебя дать мне ровный рабочий зал, — сказала Рената. — Я клиентов не подбирала.

— Кто клиенты?

— Тот, кому нужен зал, это Виктор.

— А повара?

— У Виктора спроси, кому из них что обещали. Я приезжаю, когда они уже на месте. Я тебе могу сказать, что вчера

официант хотел уйти в половине девятого и остался за двойное. Что с ним дальше будет, не знаю.

Она открыла машину, бросила чехлы на заднее сиденье. Когда один свалился, Кирилл успел его придержать, пока она не прижала сверху вторым. На этот раз она поблагодарила. Кирилл поставил ладонь на согнутую кромку двери.

— А Севу кто просил именно про часы работы?

— Сева сам добавил. Может, с Виктором договорился.

— Ты тогда сказала, у нас с тобой два текста. Что у вас ещё в списке?

Рената ещё раз подняла ключи, хотя машина была уже открыта. Секунду смотрела на кольцо. Согласилась прислать лист рассадки, её часть. Сказала, нельзя отправлять чужие номера. Кирилл пообещал, что номеров и не просил. Через минуту она прислала изображение. Чёрные буквы, четыре ряда коротких прямоугольников, числа у каждого. За длинным столом у окна два места. Ни номеров, ни имён там не было.

— Отсюда никому всё равно нельзя дозвониться, — сказал Кирилл.

— Скажи спасибо.

Он сказал. Рената села в машину. На выезде с парковки она притормозила у тротуара, опустила стекло.

— Севу спрошу, есть ли у него время. Вику оставь в покое. Она перед тобой отчитываться не нанималась.

— Ладно.

Дальше ей пришлось ждать целую полосу. Кирилл подумал, что достаточно было бы навести по работе справки о Вике, если бы она вчера встала у длинного стола и не открыла рта. Прежняя его жизнь вышла бы на помощь: там связь с любым человеком состояла из двух номеров и чьего-то дня рождения. А теперь, когда она за вечер успела пожать руку Паньшину и назвать Лилю по имени, он понятия не имел, просто ли она отработала, или её попросили найти отдельного человека. Он махнул Ренате, стекло к тому времени поднялось, и пошёл обратно к студии.

***

Рената передала просьбу. Сева через неё предложил встретиться у киоска напротив студии. Кирилл пришёл первым и заметил его через мокрое стекло. Человек, который вчера по-прежнему оставался гостем до самого расчёта, сегодня стоял в мягкой позднеосенней куртке и долго перебирал упаковки с резинками для багажа. Кирилл подошёл близко, прочёл на яркой картонке длину, которую обычно пишут в двух местах.

— На машину?

Сева поднял голову. Кирилл ждал, что придётся напомнить про рыбу. Но Сева отложил одну упаковку, вспомнил сам.

— В долг не даю, — сказал он.

— Думаешь, я отыграл мало?

— Думаю, ты в таких ботинках зимой далеко не пройдёшь.

Кирилл посмотрел на свои ноги. Пока шёл по натоптанному снегу, носок правого ботинка потемнел. Сева понёс две упаковки к кассе. Он действительно собирался покупать резинки, и пришлось дождаться, пока ему дадут сдачу. Из киоска вышли вместе. Кирилл попросил послушать одну минуту.

— Что ты вчера сказал бы Виктору, если б он не подвёл тебя к моему столу?

— Я бы попросил стул у стойки.

— Зачем?

— Чтобы видеть, кто ещё выйдет.

— Покупатель же и так видит зал.

Сева повернул пакет, зацепил ногтем ручки. За его спиной работница киоска протирала стекло, водила сухой тряпкой до самой рамы. Через стекло было видно, что она одна. Сева подошёл к поребрику, поставил ботинок в проходящую по краю воду и тут же отдёрнул.

— Меня Рената просила посидеть до девяти, — сказал он. — Я управлял кафе двадцать месяцев. Рената это знала. Я могу долго рассказывать, как у нас воровали смены, сколько одно кресло весит и почему тяжёлую мебель нельзя ставить на кривое. Если нужно говорить, что вот ещё немного времени пройдёт, а мы покупаем всю сеть, мне тоже можно

заплатить.

— Ты это обещал?

Сева поискал в лице Кирилла что-то своё, на секунду даже рассмеялся.

— Никакой сети я не покупал. Я приехал, потому что захотели, чтобы повара поработали как для покупателя. Про то, сколько кафе надо выкупить, Паньшин сам говорил. Тебе зачем?

— В следующий раз буду меньше глупого говорить, если услышу, что мне надо показать.

— Вот это полезно. Вчера ты сказанул про девять часов, ровно как просили.

Кирилл остановился. Сева уже переносил ногу через лужу, но всё же оглянулся.

— Ты мои слова до вечера видел?

— Мне их написали. Я думал, ты всегда в половине девятого заканчиваешь работу, такое у тебя амплуа.

— Кто написал?

— Мне ещё надо сходить на почту, — сказал Сева. — Можешь меня до почты поспрашивать.

Почта оказалась дальше, чем думал Кирилл. В руках у Севы был пакет с резинками, вдоль улицы ему постоянно приходилось переступать через воду, и Кирилл услышал ещё только то, что фразу привезли в распечатке вместе с порядком ужина. На самой распечатке были какие-то пометки про свет. Сева бумаги отдал женщине в сером жакете, она сама

попросила в конце. Имени женщины он не назвал. На последних двух минутах до почты стал рассказывать, что может привязать любой груз, если хозяин назовёт вес. Кирилл понял, что про лист Сева больше ничего не скажет. Они договорились сойтись, если другому опять предложат зал. Кирилл не торопился обещать пойти.

Обратно он шёл по улице со студией. Рената прислала ему ещё одно изображение. На нём была та же рассадка, поверх которой остались видны края окна редактора. Под первой картинкой два слова: «Учебная рассадка». На второй справа поместилась часть коридора, которой не было на первой. Пришло отдельное сообщение.

«Договор на понедельник. Нужен человек у стойки, говорить почти ничего. Если не хочешь, отдам. Место тебе понравится».

Кирилл посмотрел на край изображения. Видимо, часть листа в первый раз обрезали специально. Теперь он видел там дверь, за которой продолжался коридор. Дверь открывалась в сторону, откуда можно было наблюдать за половиной зала сразу, если встать у стены. Место у стойки на листе было обозначено крестом. Как раз рядом с дверью.

Он написал: «Скажи время». Сообщение уже ушло, когда он вспомнил недавнее «если будет тесно, уйду», сказанное Надей с ножом в руке. Пообещал ли он ей не появляться в зале? Нет. Она просила не говорить от её имени. Кирилл открыл общий с ней диалог. Надя ответила только минут че-

рез десять: «Если ты опять для Лили пришёл, пусть Лиля об этом знает. Моя проба ещё не назначена». Кирилл перечитал. Человек, которому следовало сказать о второй работе, был жив, пользовался телефоном и желал, чтобы ему это сказали заранее. Кирилл попросил у Нади номер Лили.

Глава 4. Отдельная порция

Лиля принесла свёклу в кармане. Завернула по одной в фольгу, засунула свёклу в карманы пальто, до самого подъезда прижимала фольгу ладонями. Когда стала разуваться, обе упали на пол. Надя подняла, развернула одну. У свёклы стал коричневым бок, который лежал на противне.

— Папа сказал, она у меня как в детстве, — сообщила Лиля. — Я ему только бульону налила. Думает, свёкла ещё в духовке.

Надя срезала подгорелый бок и предложила разогреть. Лиля попросила не греть, пока не умоется с дороги. В прихожей она сняла сумку, сразу увидела книгу на тумбе.

— Это зачем у двери?

— Яша придёт за ней.

— Пусть помогает. Он уже высокий. Стул подставлять мне не надо.

На кухне они выбрали, где сидеть, и сдвинули обе фасолевые миски в сторону. Лиля расстегнула пакет с тонкой формой для запекания. Взяла нож, подняла Надину морковь с доски и отнесла к плите. Только там спросила, какой вопрос у Нади. Устраиваться без дела Лиля не умела. У отца ей раз в неделю удавалось застать закрытый холодильник и усадить его пить чай, пока еда остывает. Об этом она рассказывала, как об удачной вылазке.

— Ты вчера толком с кем говорила? — спросила Надя.

— С Лидией. Там были две женщины, администратор из «Верхней столовой» и эта, с короткими волосами. Длинный мужчина у них. Мне его толком не представили.

— Он о чём спрашивал?

— Когда сможет приехать с другим человеком. И сколько я там одна на кухне выдержу. Я говорю: ничего я одна выдерживать не буду. Еда выдержит. Пусть приезд заранее ставят.

Надя пошла за банкой с солью. Лиля на её кухне всегда знала, где соль, но раз уж рука была свободна, Надя могла и сама подать.

— Мой брат там сидел, — сказала она. — Ему заплатили, чтобы показал старого посетителя. Длинному и женщине Рената тоже платила.

— После?

— Да. У служебного.

Лиля прижала морковь пальцами к доске, сделала три коротких среза тем ножом, который вчера пришлось бы попросить у брата заново заточить. Она отложила нож ровно, рукояткой к Наде.

— Я у служебной была, — сказала она. — Мне там в коробку отцу положили. Человек в пальто как раз передо мной прошёл. Если ему за ужин вернули, какая мне разница?

— Рената сказала, доплатила полчаса. Ты у неё была заказчицей?

Лиля пододвинула доску. По линии ножа у моркови вы-

ступили капли, осталось три лишних куска. Она убрала их в сложенную фольгу.

— Меня звала Лидия. За первую смену бумагу дали. Сейчас покажу.

Сумка осталась в прихожей. Лиля принесла из неё складной листок. Обычный бланк на одной странице, угол с фамилией загнулся от упаковки таблеток. Надя разгладила страницу и прочла две строчки. Повар Саркисян на согласованную дату готовит горячее и подаёт гостям на проверку меню и кухни. За приобретение расходных продуктов и сам выход ей полагались деньги. Готовность к следующему показу обсуждается отдельно.

— Получила насчёт продуктов и выхода?

— В четверг пять тысяч за выход. Вчера за продукты, по чеку. Ещё не сверяла, чек в кармане фартука остался. Ждёт от меня первых мерок на утро.

— А платить за место ты обещала?

— Кто не заплатит, тому потом не скажут, что делать?

— Сколько?

Лиля помолчала. За кухонной дверью тренькнул телефон. Надя могла бы сходить за ним, но ей казалось, что Лиля использует время, чтобы придумать ответ поудобнее. Она налила воды в две чашки и ждала.

— Сто двадцать я ей могу дать, — сказала Лиля. — За наличное место. Смены мои. Если действительно можно отлучаться в середине недели и никто не висит надо мной. Отец

ночью встал к окну, забыл зачем. А я утром пришла с работы и в автобусе уже один раз прошла по деньгам за эту кухню. Сколько в первом месяце, сколько после, когда у всех отпуска. Я ей сказала, что если больше, на этот год просить не о чем.

— Деньги дала?

— Попросила двенадцать за бронь. Если выйду второй раз, тогда и отдам, сказала я. Пока у неё ничего нет.

Надя положила лист на дальний угол. Так было легче сказать, сколько она сама внесла. Назвала Лидию и Паньшина, назвала вторник, произнесла «шестьдесят восемь». Лиля спросила, почему сумма такая. Шестьдесят две с половиной за право выбрать место. Ещё пять с половиной попросили на продукты для пробы. Лидия обещала зачесть оба платежа в общую цену, и Надя перевела их одной суммой. Теперь Лиля держалась за стол обеими руками. Надя заметила, что на левом мизинце у неё ссадина, замотанная кусочком сырой бумажной салфетки.

— Нам вчера за продукты платили, — сказала Лиля. — Скажи они заранее, что готовить на свои, мы бы другое меню сделали. Тебе в какой кухне ставят?

— Вот именно, что пока нигде.

Они слышали, как этажом выше щёлкнул соседский чайник. От такого чайника в мороз просыпалась вся Надина квартира, пока сосед сверху не уехал на неделю. Лиля расправила салфетку на пальце, потом спрятала руку под стол.

— Может, они просто разные кухни выбирают. Мне одну, тебе другую. У меня и идёт про завтрак, у тебя, ты сама сказала, два утра на чужие обеды. Утро в одном месте сразу своё у двоих быть не может.

— Позвоним?

Лиля согласилась, но попросила сперва чай. У Нади был тёмный чай с запахом железной банки. Она положила Лиле немного сахара и перемешала, послушала, как в прихожей опять затрещал телефон. Яша прислал, что ждёт до воскресенья. Кирилл спросил разрешения позвонить Лиле. Надя прочла его сообщение, сказала Лиле о второй роли и дала ей сначала выбрать, можно ли передать номер. Лиля согласилась, только попросила не звонить, если голосовой вопрос хватит решить утром. Надя ответила брату. Потом достала отложенное до пробы белое письмо.

В письме Лидия благодарила Надю за готовность софинансировать площадку, называла пробные дни и обещала вернуть деньги, если они после двух проб вместе решат, что подходящего помещения нет. Надя до сих пор читала «если выберем не идти, вернут», потому что на разговоре прозвучало про отказ. В письме была другая конструкция. Решают вместе, помещения нет. Если помещение есть, но Надя сама уходит, дело становилось менее очевидным.

Она прочла вслух. Лиля сказала:

— Заканчивается тем, что вместе? Тогда ты первая пишешь, что выходишь, а ей надо написать, что помещения

нет. Спроси при мне. Мне тоже только словами говорили.

Надя нажала вызов. Лидия ответила быстро, словно последние две минуты держала телефон поблизости. Надя сказала, что рядом сидит Лиля, и спросила, можно ли включить громкую связь. Лидия сказала, конечно. В трубке что-то передвинулось. Она сперва спросила у Лили, всё ли хорошо с отцом, потом поинтересовалась Надиной пробой и сама пока не назвала день. Надя положила ладонь на белое письмо.

— Про один вопрос хочу. Если съездим, готовить там сможем, но мне не подойдёт, моя сумма возвращается?

— Это деньги на площадку, Надя. Ты покупаешь право выбрать её первой. Как только понимаем, что тебя ничто не устроило, деньги твои. Либо расходы какие появятся на твою сторону, их на месте покажем. Ты никакой акт пока не подписывала.

— Лилины продукты за первый вечер оплатили отдельно. Мои в сумме. Почему так?

— Потому что я на первый вечер Лилю попросила открыть кухню. Денег с неё за это не беру. Когда с тобой договаривались, ты сама сказала, что не хочешь без холодильника и без встречи, выберешь, когда увидишь. Вот тебе и встреча, наступит.

Лиля подняла указательный палец. Надя кивнула. Лиля наклонилась к телефону.

— С кем я тогда в зале разговаривала, Лида?

— Тот, что у длинного окна сидел? Приглашённый. По-

смотреть на работу. Что с ним уже случилось?

— Долго говорил, что с другим человеком хочет вернуться. И спрашивал, можно ли ему у нас своё меню на три смены. Мне надо за это место платить?

— Твоё место сейчас до понедельника. В понедельник после показа сядем, отдельно посчитаем, сколько поваров и на чём работаем. Если кто что спрашивал в зале, это до понедельника. Там люди были из команды Виктора, и свои задачи у них. С днём созвонимся вечером, Надь.

— Я хочу к Лиле на второй выход, — сказала Надя. — Пусть она сама скажет, могу я у неё постоять в горячем. Мой отдельный показ пока не назначай.

— Работа ей оплачена на одного. Если рядом стоять, можно, там место есть. С той стороны мне ещё надо спросить, кто будет. Надя, у тебя понедельник до скольких?

— Пока поменяюсь, не могу сказать.

Казалось, Лидия согласилась раньше, чем прозвучало последнее слово. Она попросила прислать подтверждение Надиного времени к утру, пожелала Лиле спокойного вечера и отключилась. Телефон остался на столе, свет упал на перевёрнутый лист.

— Меня всё-таки спрашивала, кого я позову на утро, — сказала Лиля. — Сначала, ещё до того мужика. Я тебя назвала. Она сразу сказала, что знает, кого ты себе возьмёшь. Я дальше не пошла. С меня ещё суп просили.

Надя посмотрела на её ладони. На левом мизинце салфет-

ка успела совсем размокнуть. Она сходила за пластырем. Пока искала, думала, что могли спрашивать не про их будущую кухню, а про двух людей, которые умеют собирать других и работать рядом. Лиля говорила о первом вечере так, будто она отдала хозяину ровно те часы, которые и собиралась. Надя в те же два часа отдала не время. Она готова была отдать то, на что человек мог бы её попросить выйти однажды ещё. Наде теперь хотелось точно понимать, кто бы попросил.

Лиля сняла салфетку, прижала пластырь и застегнула сумку. Свёклу забрала только одну. Вторую оставила на Надином столе, накрытую фольгой, будто тарелку для того, кто придёт поздно.

— Если у тебя десять минут, — сказала она, — давай на понедельник вслух. Я обещала мясо. Ты на масле свою репу сможешь?

Надя достала телефон. Приняла четвёртый вызов от Яши, уточнила про учебник и сказала, что в понедельник к шести её дома не будет. Яша помолчал, спросил, можно ли его тогда не ждать и ключ пусть он сам возьмёт утром. Надя разрешила. Лиля в это время проверяла на чистой доске, как точно режется подсохшая свёкла. Надя после разговора убрала две лишние миски, расчистила ей место и принесла свою бумагу, чтобы записать продукты.

Глава 5. Место у стойки

У двери «Четырёх окон» от мокрого асфальта отлипало старое резиновое основание вывески. Саму вывеску хозяин убрал, оставался низкий чёрный квадрат, за который можно было зацепиться носком. Кирилл постоял возле него, пока из кухни не вышла Лиля. В воскресенье он с ней поговорил. Она попросила появиться до семи, чтобы сначала объясниться с ней, если дальше ей опять предложат угадывать, кого он играет. Теперь посмотрела на часы над рамой двери.

— Ты вовремя. Есть будешь?

— Я вроде за этим и пришёл.

— Тогда у всех на глазах. Я тебе отдельно не понесу.

Она ещё держала связку ключей. Сунула её в карман фартука и глазами показала, где сегодня входить. У главного входа меняли стекло. Работу не закончили, оставили створку закрытой. С улицы приклеили лист с адресом ворот, нарисовали стрелку. Через боковую дверь, кроме посетителей, шли люди со свёртками и кастрюлями. Лиля осталась на крыльце ждать зелень от курьера. Надя была уже на кухне. До неё оставалось метров десять и две двери. Кирилл не пошёл. Про свои планы успел ей сообщить утром, а Лиля просила её до подачи не отвлекать.

Он зашёл со двора, ухватился за ручку возле жёлтого шва и втянул плечо, чтобы не задеть дверь пальто. Кувшин с

отломанной ручкой убрали со столика возле кухни. Вместо него стоял низкий кофейник. Из носика торчал бумажный ярлык, похожий на кончик языка. Кирилл заглянул в коридор. Гардеробщицы не было. В дальней комнате он увидел стопку фартуков, сложенную уже на две табуретки.

— Направо проходите, — сказал ему голос.

Кирилл пропустил человека с коробкой. Потом спросил, где Рената. Ответил Эдик, всё в той же белой рубашке, только пуговицы он застегнул до воротника. Он стоял на узкой ступеньке возле запасной двери и записывал, кто вошёл.

— Ренаты сегодня нет в зале. Она позже будет расчёт делать. У вас что?

— У меня кофе за свои. Помните?

Эдик опустил листок, пригляделся. Кирилл заметил, что прошлую пятницу он запомнил без удовольствия.

— Помню. Зачем раньше пришли?

— Лиле обещал. Я ей должен был сказать, на каком месте сижу.

Эдик посмотрел на узкую стойку справа. За ней можно было разместить ровно три человека. Ближнее место, у кухонной двери, уже заняла хозяйственная сумка с выдвижными колёсами.

— Если сумка не ваша, я постараюсь убрать, — сказал Эдик.

— Не моя.

Прошёл свет из кухни, во дворе кто-то подал короткий

сигнал. Эдик подхватил сумку, отнёс к стойке и приткнул между ножками пустого стула. Из бокового кармана у сумки выпал один толстый носок, из серой шерсти. Кирилл нагнулся, поднял его, подошёл и вернул в карман. Носок был новый. Ему подумалось, что у вещей, которые оставили у стульев, есть какие-то вчерашние причины. Вот и у него в кармане лежали варежки, которые стоили Наде половины прямого разговора. Он вынул их, зажал в руке и спросил, где оставить пальто.

— Вешалку видите? — сказал Эдик. — Повесьте с краю.

К столу у окна поставили новые стулья. Один заслонял ножкой проход на кухню. Из-за стола теперь удобно было выйти к любому ряду, а через кухонную дверь с подносом пришлось бы проходить боком. У Эдика на листе явно были нарисованы столы, но по его лицу нельзя было сказать, спросили ли у него, куда их ставить.

Кирилл присел на край круглого табурета. Над барной стойкой было зеркало, в котором он видел свои плечи, сумку и входящего человека от ног до подбородка. Пальто он оставил на вешалке. Варежки засунул в карманы брюк.

— Я свой час не объявлял? — спросил он, когда Эдик подошёл взять пустой стакан.

— У вас ноль двадцать, — сказал Эдик, перевернув листок.

— Ноль двадцать чего?

Эдик оставил стакан на стойке. Плеснул в него воды из

кувшина и перевернул листок обратно. С той стороны проступала тонкая карандашная черта.

— Вот какой вы у меня первый: Белов, ноль двадцать. Наверно, через двадцать минут после первого блюда. Сядьте и ждите, вас позовут, если что.

Прошлым вечером Рената сказала ему, что потребуется в нужный момент ответить на вопрос, держит ли здесь человек свой стол. Ей было всё равно, скажет он «держу» или «сажусь туда, где тихо». Самого человека, который задаст вопрос, она не назвала. Сам Кирилл предположил, что Севу заменит другая пара. Сева отказался от понедельника и договорил это сообщение выдохом: ему сейчас полагалось менять сыну крыло велосипеда, раму тот оставил на ходу. Вика тоже не брала работу, по крайней мере Рената уверила Кирилла, что не появится тот, кого он видел на первом вечере. От женщины с короткими волосами всё-таки зависела часть ответа. С ней хотелось поговорить так же, как с Севой, когда она не будет ждать реплики.

К семи вошла хозяйка сумки. Кирилл узнал её по тому, как она направилась прямо к стулу возле совершенно пустого крючка. Женщина лет сорока пяти, с пакетом, в котором из стороны в сторону каталось яблоко. Сумку она ещё раньше кому-то передала. В зале её никто не встретил. Она сама сняла пальто, отогнула крышку сумки и втиснула внутрь почти целиком, оставив длинный рукав снаружи.

— Кого спросить, чтоб утюг на минуту дали? — сказала

она Кириллу.

— У Эдика спросите. А что нужно?

Она показала на рукав своей блузки. Его придавило молнией, и над манжетой осталась длинная складка. Без утюга можно было существовать сколько угодно. Кирилл понял, что она всё равно будет её помнить.

— Если водой провести чуть-чуть, — предложил он. — Пока вы здесь.

Женщина сразу протянула рукав. Кирилл нашёл у стойки чистое полотенце, подлил из стакана на уголок, провёл по складке. Она немного расправилась.

— Лучше пошло, — сказала женщина. — Тут где бы я ещё увидела, как гладят за стойкой. Зоя.

Она протянула руку, но долго не держала. Кирилл назвал себя. Зоя взяла своё яблоко, подняла фартук и сказала, что сегодня проверит, как можно подать заказ на двоих, пока празднуют у обычного стола. Попросила Кирилла показать, какой именно стол держит он. Он кивнул на стойку. Тогда она показала на место за стеклом, у кухонной двери.

— Если там сесть, можно смотреть, когда идут?

— Можно и ничего почти не услышать. Вы за показом?

— Сегодня мои люди работают. Я смотрю, хватит им рук или нет. Вокруг яблока ходить хорошо, пока не поручили. А как поручили, начинаешь считать.

Она отнесла фартук на кухню. На стойке остался мокрый угол полотенца. Кирилл сложил мокрый край внутрь и сдви-

нул полотенце к мойке. В зеркале над стойкой появилась женщина в сером жакете. Она говорила с Паньшиным. Тот регулярно кивал, но между кивками открывал рот, как будто в соседнем зале ему всё время кто-то пытался вставить своё слово. Кирилл впервые услышал, как он зовёт её по имени.

— Лидия, давай сперва дадут горячее.

Она отступила так, чтобы Паньшин мог уйти со своего места. Не ушёл. Вместе они видели весь длинный стол и вход в кухню. Лидия держала папку сбоку, позволяла Паньшину заглядывать поверх её руки, один раз открыла верхний лист дальше, чем было нужно ему, и Кирилл заметил нарисованный в центре крест.

***

Горячее вынесли в двадцать семь минут восьмого, Эдик принёс к стойке. Тарелка пахла копчёным маслом. Кирилл попробовал репу, пока люди за соседним столом выбирали, какой снять пиджак. О том, что Надя на кухне, он теперь знал наверняка. Она пять лет доходила до этого запаха и по воскресеньям на общем столе откладывала себе ложку, пока другие резали хлеб.

К нему подошёл Паньшин. Рукава рубашки у него чуть вышли из-под пиджака, на манжетах блеснули синие запонки. Кирилл подумал, что если человек говорит гостям одно, а работникам другое, запонки он наверняка так же умеет ме-

нять между ужинами. На своём последнем рекламном заказе Кирилл выпросил право оставить рубашку после съёмок и три дня ходил в ней записывать голос. Никто ничего не сказал. Он опустил взгляд на свои рукава.

— Места вам опять не хватило? — спросил Паньшин.

— Договорились за стойкой.

Паньшин осмотрел родной ему зал. Два человека в дальней части распаковывали ценники с маленькими прищепками. За главным столом беседовали приглашённые, одна женщина успела выложить перед собой блокнот. Кирилл ждал, что кто-нибудь попросит у него подтвердить, как здесь заведено. Паньшин опёрся о край стойки.

— Я тебя в пятницу помню, — сказал он. — Сегодня так и сиди. Если на кухне предложат вторую тарелку, сначала спроси, когда у них можно поесть без заказа. И за столом скажи, что приходишь по своей воле. Про меня спрашивать не надо.

— Кто спрашивает?

— Да кто первый подойдёт. Они сегодня решают, есть тут дело или нет.

Он отошёл. Кирилл поймал себя на том, что уже готов послушаться. Такая работа. Если долго сидишь на невысоком табурете и тебе каждый раз перед глазами оставляют одно и то же лицо, начинаешь переживать, подойдёт ли к нему наконец нужный человек. Он посмотрел на кухонную дверь. Зоя застегнула фартук и снова вышла к стойке. Было без трина-

дцати восемь. Сверила время на телефоне, подняла руку и посмотрела в отражение, попал ли в кадр мокрый рукав. Кирилл сразу узнал в зеркале свой табурет и оказался у неё за плечом, когда она нажала. Зоя убрала телефон и спросила, можно ли отнести пустой стакан на кухню. Он отдал. Вдруг она вспомнила, что раньше собиралась спросить у него что-то ещё, уже открыла рот, потом отвернулась. «Хватит на сегодня», — сказала она, глядя не на него, а на то место, где сумка загораживала ножку стула.

Паньшин освободил ей проход, но посмотрел при этом на Лидию. Лидия стояла около двух поставленных подряд свободных стульев. На её папке теперь лежала карточка с вилкой, какую в пятницу Кирилл спрятал под рыбу.

Кирилл развернул табурет и сам подошёл к ней.

— Когда у вас здесь бывает свободный обед? — спросил он.

— Подойдёте к стойке, выберете. Если место останется.

— Я у стойки сижу. Там мой свободный обед.

Она узнала его только после этих слов. Папку слегка опустила. Карту с вилкой не придержала, и та поехала вниз, упала рисунком к потолку. Кирилл наклонился и поднял. На обратной стороне, где у его карточки было пусто, синей ручкой написали число 12 и «проверит Лиля».

— Извините, это у вас откуда? — спросил он, отдавая.

— Для подачи, — сказала Лидия. — Лиля уточняет двенадцать порций на своей кухне. Если вы пойдёте к ней спро-

сить, пусть сначала отдаст стол.

Она улыбнулась, взяла карточку двумя пальцами. Кирилл знал этот жест с примерок: человек держит что-то осторожно именно в тот момент, когда старается показать, что вещь обыкновенная. Рената его просила у стойки не показывать знание о пятнице, и до сих пор ему удавалось. Теперь он указал на длинный стол. Там гость в белом трикотажном пиджаке что-то спросил и, не дождавшись ответа, пошёл к кухонной двери.

— Хочет покупать? — спросил Кирилл.

Лидия приподняла папку, чтобы тот мог дотянуться до косяка.

— Вы из гостей Ренаты, правильно?

Он сказал, что да. Лидия повернула карточку и опустила её в папку.

— Тогда вам надо у Эдика сказать, что рыба хорошая. Вы за это и сидите.

Гость в белом уже придерживал дверь перед Зоей. Кирилл смотрел на неё и на Лидию ещё секунду, пока Зоя не увидела его. На ней теперь были две разные прихватки. Складка на рукаве, которую он разглаживал, согнулась обратно без его помощи. Кирилл вернулся к стойке. Положил обе ладони по обе стороны тарелки, как когда-то учили держать на сцене один предмет. Если бы его спрашивали про рыбу, у него был бы правильный ответ. На тарелке всё ещё лежала Надина репа.

Глава 6. Пока тарелки горячие

На третьей тарелке Надя поняла, что Лиля оставила ей два разных ножа для масла. Тот, что с белой ручкой, холодил ладонь. Вторым можно было сразу подвести под кусок репы и поднять, не теряя середины. Надя отложила белый за лоток. Из зала попросили добавить одну порцию, ещё не видя первую. Она пересчитала куски. На двоих, которых Лиля берегла на после работы, она уже положила по половине. Больше брать было неоткуда.

— Эдик, кто просил? — окликнула она.

— У окна. Там восемь, они думали, будет семь.

— Скажи, что есть восемь. Только последняя через шесть минут.

— А что в ней будет?

— То же. Передай, что позже. Человеку прямо, не хозяину.

Эдик пошёл назад, на ходу поднял локоть, чтобы дать пройти Лиле. Надя поставила лоток на тепло, достала ещё тарелку. Она всё утро резала и разогревала, пока не поняла, сколько требуется времени после первой подачи. На чужой кухне случались первые десять минут, после которых помещение уже считалось знакомым. Пальцы знали, за какую ручку браться, ноги сами оказывались возле нужной дверцы. Здесь пришлось наклеить серый кусок ленты на шкаф, в ко-

тором держали то, чем никто не пользовался. Два раза открыла его быстро, не выбирая, и потеряла время.

Лиля вернулась, показала полотенце. Чистая половина ещё была годна. Надя перевернула полотенце и вынула из шкафа чистое. Лиля на это только кивнула, уже шла к окну выдачи. За ним Эдик пытался получить одновременно два заказа. Надя по голосам перестала различать, кто у него просил и кому обещал. Вынесла свою последнюю порцию сама. Лиля к тому времени успела переставить один стул, чтобы можно было уйти из кухни прямо. А всё равно осталась ножка от второго. Надя придержала тарелку снизу свободной рукой, развернулась боком и пропустила мужчину, который почти вошёл в кухню, пока она обходила стул.

— Думаете, можно мне выйти к вам потом? — спросил он.

У него был белый трикотажный пиджак. Надя едва успела увидеть, что рукав у локтя уже испачкан чем-то со стола.

— Сначала там поешьте, — сказала она. — У вас за стулом тарелка.

— Только посмотреть хочу. У нас выйдет позже. Вы всё это сами придумали?

— Я — репу. Остальное спросите, кто вам подал.

Она поставила тарелку перед единственным человеком без горячего. У него на щеке было светлое пятно, маленький овал у самого виска. Он торопливо придвинул к себе салфетку. Салфетка упала, из-под неё выкатилось маленькое блюд-

це с солью. Надя поймала блюдце у самого края. Мужчина поблагодарил и сказал, что привык ставить тарелку по центру, поэтому всегда собирает лишнее справа. У него был такой голос, каким ведут один и тот же урок людям, которые не знают, что они на уроке.

— Я завтра уезжаю, — сказал он. — Если будем пробовать, когда нам выдадут условия?

Надя оглянулась. Лидия держала открытой дверь к подсобкам, говорила с Паньшиным и не видела, что её ждут. У стойки сидел Кирилл. У него давно стояла тарелка, ещё полная. Она подумала, что ему велели тянуть время по работе. А мужчина перед ней вполне честно ждал ответа и к организаторам не поворачивался.

— Я про условия тоже хочу спросить, — сказала Надя. — Мне пока только готовить поручили.

Он коротко взглянул на неё, потом чуть приподнялся и отодвинул пустой соседний стул. Кухонная дверь теперь могла открыться до стены. Надя сказала «спасибо» и унесла посуду. Мужчина позвал к себе гостя в белом пиджаке. Гость отошёл от кухонной двери, подошёл к столу с опущенной головой, сел без вопроса и что-то написал на тыльной стороне ладони.

В кухне у Лили стояли ещё две порции для своих. Надя поставила рядом со своей вилкой часы. Лиля поглядела, спросила:

— Обошлась ты?

— Так отпустила. Он хочет завтра знать, что будет.

— Кто?

— За столом восьмой. Ты мне покажи, где твои люди.

Лиля показала на Зою. Та перекладывала пустые стаканы с одного подноса на другой. Ставила по три. Лишний брала в руку и оставляла на стойке, чтобы одному Эдику его не тащить. Надя спросила, можно ли помочь. Зоя подняла голову.

— Хотела, чтоб они сами обошлись, — сказала она. — У меня то же будет, где больше трёх столов. Если начну всем поднос отдавать, не увижу, почему они в проходе сходятся.

— Ты сюда наняла людей?

— На сегодня их Рената прислала. Я у неё одного попросила, она мне двоих. Эдик свой, он Виктора. Второй молодой высокий с той стороны пришёл.

Зоя сняла со стойки один высокий стакан, понесла в зал. Надя взглядом проводила её весь путь. На кухне остались Лиля, гора сухих ложек и белый нож для масла. Она взяла его, поровняла ряд ложек и спросила:

— Мы с тобой вечером за сколько вышли?

Лиля показала два пальца.

— Тысячи? На двоих?

— За мой второй договор столько же, сколько за первый. Пять. Тебе долю отдам две, тогда мы обе за овощи и горячее. Еда она по чеку.

— Мне не нужно от тебя. Кто им сказал, что я сегодня готовлю даром?

— Ты сама сказала, что посмотреть хочешь.

Из зала стукнули стаканом. Лиля придержала тарелку, которую уже собралась поставить на мокрый стол. Подсунула под неё сухую доску. Надя открыла рот и первым делом взглянула на тарелку. Там действительно лежала её порция. Она пропустила обед, на который много кто пришёл, потому что иной работы у неё было недостаточно. Лиля старалась сберечь ей мясо. За градус, за время и за места они здесь боролись весь вечер, как будто потом у каждой был свой ключ.

— Посмотреть хотела, — сказала она. — Сейчас и посмотрю.

***

Лидия освободила крайнюю часть длинного стола. Накрытые салфетками чашки сдвинула к стене, проверила, поставили ли в кухне воду. Белый пиджак висел на спинке стула. Его хозяин ушёл, пальто забрал, а пиджак оставил. Надя попробовала вспомнить, застёгивал ли он его, когда почти вошёл в кухню. Не помнила. Зоя сидела с другой стороны стола. Над манжетой темнела мокрая складка, Зоя промокала её бумажкой и, когда подошла Лиля, освободила место справа от себя.

— Виктор про место скажет, — пояснила Лидия. — Возьмите сначала, кто там без еды.

Лиля поставила на стол две тарелки. Надя поблагодарила,

села у края и наконец попробовала горячее. Ей хватило первых двух кусков, чтобы понять, что дальше подавать вторую тарелку людям будет легче. Мясо на самом краю, под ломтиком репы, не распадалось от вилки. Она положила прибор, дождалась, когда Лидия вынет из папки несколько листов.

Перед Зоей она положила бумагу с пустыми клетками. Зоя спросила, что вписать. Лидия сказала, число людей, которых Зоя согласна оставлять в смене, если место выберут. Подписей и денег сейчас не просила. Лиле дала схему кухни в другом заведении, рабочие квадраты засинила. У одного квадрата, возле мойки, оставила пустое место. Надя увидела, что там уместится всё нужное, кроме холодильника. А место, которое Надя просила под него по телефону, было с другой стороны. Эта кухня не могла быть той, на которую зазывали обеих.

— Я успела поговорить с тем, кому последнему подали? — спросила Лиля.

— Ему понравилось, — ответила Лидия.

— Завтра уезжает, он про условия спрашивал, — сказала Надя. — Кто это? Я могу ему меню отправить, если он отдельно на смену соберёт людей. Спрашиваю потому, что он у тебя уточняет, а не у себя, видно было.

Лидия перебрала пустые листы. Надя ждала, что та спросит, о ком конкретно речь. Но Лидия только сказала:

— Костя. У него будет свой зал в группе. По кухне решает отдельно. Меню можешь мне сбросить, познакомлю.

— Значит, он вкладывается?

Зоя поставила в клетке цифру два и отложила ручку. Через стол слышно было, как Лиля работает вилкой. Лидия тоже её слышала. Дольше обычного разглаживала сгиб, на котором отмечено место для холодильника.

— Деньги будут общие. На первый месяц есть то, что Виктор сдал в ремонт, и люди. Мы хотим помещение побольше, чтобы свободную кухню наконец можно было сдавать.

Надя пока ждала только имени. От одного имени было бы понятнее, есть в комнате человек, с которым можно поговорить про следующие деньги. Внезапно Паньшин подошёл сзади, поднял оставленный белый пиджак. Посмотрел на пятно на рукаве, отнёс гардеробщице, которая вошла под конец. Вернулся, взял стул с освобождённого прохода, сел возле Лили и начал объяснять, сколько стоит утром то помещение, которое Лидия только что выложила. Ими нужно было заняться по одному. Зоя знала, куда в нём раньше ставили столы. Паньшин спросил, знает ли Лиля, кто продавал чайник. Лиля ответила своим вопросом, хватает ли одного окна. Лидия попросила Надю отойти с ней к стойке.

Там уже лежало пустое блюдце Кирилла. Надя понимала, что он ушёл, если только не ждал расчёта у служебной. Ей хотелось поговорить с ним, пока человек в белом ещё мог вернуться за пиджаком. Но Лидия отодвинула блюдце, положила на чистый край телефон и дала Наде чистую с оборота карточку с вилкой. На ней можно было записать адрес для

осмотра.

— Если договоримся, тебе ещё сто восемьдесят две тысячи. Продукты из аванса тоже засчитываю, как обещала. Мне к концу недели надо знать, сколько войдёт на первом шаге. Можешь попросить меньше площадь. В таком случае с тебя меньше будет. Я после того, что вы сейчас сделали, могу дать место напротив окна. Одна из первых выбираешь.

— Открой, где эта кухня, — сказала Надя. — Послезавтра съездим.

Лидия ничего не открыла. У неё зазвонил телефон, она приглушила, оставив его лежать. Надя увидела только первые две буквы имени, потом экран погас.

— Вы вдвоём с ней будете? — спросила Лидия.

— Её спроси.

— Я спрошу. Просто у тебя же свои люди есть. Мне в феврале сказала, что податься хочешь отдельно. У Лили с отцом такое, она свободная по утрам через раз. Я могу сдвинуть тех, кто ещё вечером получал предложение.

Надя посмотрела на свои пальцы. Ещё пять минут назад она знала, какой рукой схватить тарелку и где стоит человек в проходе. Теперь она не знала даже, кто сидел за одним с ней столом, кому полагалось предложить помещение и чьим предложением только что двигала Лидия.

— Назови одно место, — сказала она. — Со своей стороны я денег больше не даю, пока его не увижу.

Лидия подняла голову. Сначала Наде показалось, что по-

спорит. Лидия всё решила на месте, быстро. Сказала улицу, вспомнила, что ключ дома у Виктора, и позвала его жестом. Паньшин ещё говорил с Зоей и к кухне даже головы не повернул. Лидия ждала, пока он заметит. Надя убрала с края стойки руку. Ей было видно и через открытую дверь, как Лиля уносит на кухню две почти полные тарелки.

Глава 7. Ключ от коридора

Во дворе на колёсиках выкатили пустой стеллаж. Он застрял перед воротами, и Надя помогла женщине в ватнике приподнять край. Женщина поставила колесо на бетон и велела так и держать, пока будет искать подкладку. На нижней полке осталось несколько круглых следов. Прежде там держали банки, тяжёлые и повыше литровых.

— Не наше, — сказала женщина, проследив за Надиным взглядом. — Бабушка привозила варенье на продажу. Моё дело полку отдать.

Она вставила под колесо дощечку. Стеллаж встал ровно. Женщина развязала капюшон, назвалась Валентиной Ильиничной и спросила, какая Надя из двух.

— Повар, — сказала Надя, чтобы не угадывать вторую.

— А первая тоже по кухне. Та из коридора смотрела. Ей сказали холодный стол оставить, она дальше и не пошла.

Валентина Ильинична жила за стеной и последние годы присматривала за маленькой столовой, пока ею распоряжались разные люди. В неё вели отдельный вход с полосой свежего раствора под дверью и боковой, через склад. Обещали поменять потолок и начать работать к маю. Стены на кухне были уже белые, хотя в двух местах проступала желтизна. Надя увидела кухню из коридора. Валентина Ильинична держала связку ключей. Отворив дверь, снова пропустила

палец сквозь кольцо.

— Виктор просил открыть? — спросила она.

— Мы здесь с ним увидимся. На одиннадцать, сказал, постарается.

— Тогда не трогай дверцу, она закрывается на ходу.

Надя толкнула дверцу носком, не дала ей захлопнуться. Они вошли к умывальнику, где стоял картонный стакан с гвоздями. На месте плиты были ножки, сами конфорки вынули. На стене мелом написали «после крана». Надя сняла перчатки, проверила, что кран обычный, не перекошенный. Женщина в ватнике сказала, воду включат вместе с плитой. Выбирать холодильник на эту кухню можно будет, когда переставят мойку. Надя взяла телефон, сняла общий вид без женщины, спросила, где Лиле показывали угол с синим квадратом.

— Лиле? — переспросила та.

— Та, которая стояла у коридора.

— Не Лиля. Про Лилю я не слышала. Зоя приходила. Подписала, что хочет видеть зал, но к кухне даже носа толком не сунула. У неё начальником Виктор.

Надя повернулась. Кухню им обеим предлагали по разным условиям. Вот в такое помещение Лиля привела бы своих только после недели проб. А Наде туда пока не разрешали даже поставить свой ящик: гвозди на раковине лежали до первой уборки, в коридоре к зимней стене прислонили три чужих двери.

— Кто здесь заведует? — спросила она.

— Я за вещами, здание у Громовых. Они не сдают до конца месяца. Мне платят, чтобы не растащили. Если повару надо пройти разок, я смотрю, на кого сказали, и показываю. Во дворе пусть пока не ставят ничего.

Она обошла Надю, повесила короткую тряпку на ручку двери. Надя спросила, разрешали ли кому-нибудь выбрать день или поставить своё оборудование. Валентина Ильинична на секунду остановилась. Глядела на неё почти с сожалением.

— Ты нас запиши, — сказала она. — Если тебе кто просит выбирать, спроси, можно ли войти в воскресенье. Со мной в воскресенье можно. У меня свои ключи. С тем, кто тебе пообещал, попробуй в один день сюда попасть.

От того, с какой простотой она это сказала, Наде стало неловко за все прошедшие дни. Привычно уходила с обсуждения вещью, от которой можно было оттолкнуться дальше: телефоном мастера, названием холодильника, временем автобуса. Сейчас она стояла перед своей возможной кухней, и рядом была единственная женщина, которая могла от неё открыть дверь.

Во дворе послышалось, как кто-то проехал по доске и остановился. Паньшин пришёл на две минуты раньше. Руки в расстёгнутом плаще держал разведёнными, будто дверь ещё не распахнулась, а он уже видел её край. Поздоровался с Валентиной Ильиничной, назвал Надю по имени, сказал,

что вытяжку здесь одобрят быстро. Она поинтересовалась, у кого ключ.

— Хотите, я вам сейчас ключ достану? — спросил он.

Валентина Ильинична подняла свою связку.

— Я ей уже всё показала, Виктор. А ключ оставлю у себя.

У Паньшина лицо почти не изменилось. Он остался на бетонной полосе, сапогами ещё не зашёл в коридор. Надя поняла, что если ему нужен отдельный разговор с Валентиной Ильиничной, придётся предложить им разойтись. Он сделал по-другому. Спросил, когда Надя готова начать. Именно сколько дней надо, чтобы найти людей, переставить плиту, договориться с теми, кто ещё в старом зале. Она ответила, что хочет сперва понять, какая кухня свободна на нужные ей часы.

— Для всех будней, — сказал Паньшин. — Поймите. Громовы спрашивают, кто сюда зайдёт и насколько. Мы то же самое о вас спрашиваем. Пока им не назвали, нас ждут только показать.

— Значит, вы эту кухню ещё не взяли?

— У нас есть слово. На кухню иногда вполне хватает слова, пока денег не принёс. Людям говорят, дай час. А потом тебе готовы дать два. Без людей куда мне её брать?

Валентина Ильинична отошла к стеллажу. Убрала кольцо с ключами в наружный карман и подтолкнула стеллаж к воротам. Паньшин сделал движение помочь, но женщина уже переступила доску, та удержалась.

— Я перевела вам шестьдесят восемь, — сказала Надя. — Какая часть привязана к этому помещению?

— На вход в проект. До помещения её не трогаем.

— Я хочу понять расход. Если сюда надо оборудование и мойку переставить, сколько из моего уже на неё отложили?

Паньшин зажал свою руку под выступом у двери. Не вынимал. Ему, видимо, хотелось ещё немного постоять и представить, что он всё-таки проведёт её туда сам. Надя тоже представила. Она бы взяла лоток для заморозки, поставила на свободный стол за холодным и спокойно работала в воскресенье, пока в коридоре стоял стеллаж, на котором когда-то банками располагали варенье.

— Шестьдесят два с половиной за вход, — сказал он. — Остальное Лидия ведёт как продукты. Назовёт, если спросите.

— Тогда от вас шестьдесят две с половиной, если я выхожу?

— Раз вы пока не знаете, что берёте, можно сперва не выходить.

Надя положила ладонь на дверь. Окраска у косяка подсохла не до конца. Снять её можно было одним ногтем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.